

Къ вопросу о бессознательной душевной жизни.

Въ прежнихъ моихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналь, я изложилъ основанія, которыя заставляютъ предпочтеть дуалистической взглядъ на человѣческое существо, признающій въ немъ два разныхъ источника для душевныхъ и тѣлесныхъ явленій (т.-е. различіе души и тѣла), монистическому воззрѣнію на человѣка. Важнѣйшіе мотивы такого предпочтенія состоять въ весьма простыхъ соображеніяхъ: *сущность* и *явленіе*, въ чемъ бы мы ихъ ни разсматривали, хотя и противополагаются нами другъ другу съ отвлеченно-логической точки зренія, но въ своей дѣйствительности никогда не представляютъ и не могутъ представлять двухъ раздѣльныхъ между собою вещей; напротивъ, и по самому смыслу понятій и по тому значенію, которое они получаютъ, когда мы ими характеризуемъ какіе-нибудь реальные процессы, сущность и явленіе неотдѣлимы другъ отъ друга,—это не двѣ вещи, а одна вещь, только понимаемая съ двухъ разныхъ сторонъ, подъ двумя различными углами зренія. Напримѣръ, вещество (*субстанція* или *сущность* материальнаго міра) не существуетъ внѣ своихъ движений (*явленія материальнаго міра*)—такъ же, какъ нѣтъ движений безъ вещества. Поэтому *явленіе* и *сущность* понятія всесѣло соотносительныя,—мы ихъ можемъ логически различать; но они непремѣнно составляютъ одну дѣйствительность. Если это вѣрно, изъ этого должно вытекать очень важное положеніе: тамъ, гдѣ какіе-нибудь

порядки явлений кореннымъ образомъ, по всѣмъ своимъ признакамъ, различны между собою, тамъ и субстанціи, реализующія себя въ этихъ явленіяхъ, должны между собою различаться. Между тѣмъ психическая и физическая явленія различны между собою существенно,— въ этомъ безспорная истина психологической науки; итакъ, они не могутъ быть выраженіемъ и продуктомъ одной и той же субстанціальной основы,— для ихъ возникновенія должно предположить *два разныхъ источника*. Къ аналогичному выводу мы приходимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда убѣждаемся въ коренномъ различіи какихъ-нибудь явлений. Напримеръ, для физического міра мы потому только предполагаемъ однородность и единство его субстанціальной основы—вещества, что считаемъ возможнымъ свести всѣ явленія и процессы внѣшней природы къ различнымъ формамъ движенія, происходящимъ по неизмѣннымъ законамъ механики. Напротивъ, если бы мы признали существованіе въ природѣ явлений, механически необъяснимыхъ, мы тѣмъ самыми были бы вынуждены допустить присутствіе въ ней силъ, отличныхъ отъ матеріи. Такъ, тѣ изслѣдователи, которые полагаютъ, что явленій жизни изъ свойствъ вещества вывести нельзя, неизбѣжно приходятъ къ гипотезѣ *жизненной силы*, какъ нѣкоторой сверхфизической потенціи.

Съ другой стороны, мы убѣдились и въ томъ, что нельзя разсматривать жизнь нашего сознанія и какъ простую равнодѣйствующую внутреннихъ состояній различныхъ центровъ, составляющихъ нашъ организмъ, даже если мы допустимъ внутреннюю одушевленность этихъ центровъ. (Такой взглядъ на нашу душевную жизнь является довольно распространеннымъ и въ нашей, и въ иностранной литературѣ.) Какъ мы знаемъ, его усвоенію препятствуетъ фактъ *единства* нашего сознанія,—способность нашего духа сознавать разнообразіе и реальность явлений во времени (т.-е. *синтезировать* прошлое съ настоящимъ и будущимъ) и въ пространствѣ, способность синтеза различныхъ одновременныхъ состояній, возникшихъ въ разныхъ пунктахъ

мозговой и нервной системы, которая однако нашъ духъ сознаетъ, какъ неотдѣлимые моменты своего единаго содержанія. Для возможности этого общаго и коренного факта психической жизни нужно существованіе *одного* сознавшаго центра, хотя бы въ этомъ одномъ центрѣ отражено объединялись состоянія многихъ другихъ центровъ. Единство нашего сознанія предполагаетъ особый центръ, хотя бы онъ былъ связанъ съ другими. Какъ я уже указывалъ, самое понятіе о равнодѣйствующей лишь тогда имѣеть смыслъ, когда мы предполагаемъ, что разныя силы, дѣйствующія въ разныхъ направленіяхъ, прилагаются къ *одной* точкѣ.

При этомъ нужно сдѣлать одну въ высшей степени важную оговорку: дуализмъ во взглядѣ на человѣческую природу вовсе не предполагаетъ непремѣнно *дуализма метафизического*. Дуалисты въ метафизикѣ обыкновенно предполагаютъ, что духъ и матерія абсолютно противоположны другъ другу по всѣмъ условіямъ своего бытія; что по своей природѣ они даже представляютъ полное взаимное отрицаніе. Такъ, напримѣръ, смотрѣли на дѣло картезіанцы. Однако такой взглядъ не только не помогаетъ дуализму въ антропологии (т.-е. въ пониманіи человѣческаго существа), онъ даже ставитъ для него непобѣдимыя препятствія: какъ тогда мыслить въ человѣкѣ связь между началами, которыя совершенно отрицаютъ другъ друга? Дуализмъ въ психологіи держится на предположеніи, гораздо болѣе скромномъ: онъ полагаетъ, что душа и тѣло, какова бы ни была ихъ внутренняя природа и какъ бы ни были они тѣсно связаны, суть все-таки *различные источники разныхъ явлений*. Они могутъ быть сходны по своей внутренней сущности, но имѣютъ различное существованіе: это два разные предмета опыта,—двѣ различные вещи. Но известная однородность въ ихъ внутреннемъ существѣ не только не отвергается антропологическимъ или психологическимъ дуализмомъ, она прямо имъ требуется. Оттого вполнѣ можно быть монистомъ въ метафизикѣ и дуалистомъ во взглядѣ

на человѣка. Лейбницъ, напр., въ метафизикѣ былъ убѣжденнымъ защитникомъ монизма: во всемъ существующемъ онъ видѣлъ выраженіе духовнаго творчества; элементы всѣхъ вещей—духовныхъ и материальныхъ одинаково—онъ рассматривалъ, какъ духовныя единицы съ чисто внутреннею жизнью (монады). Между тѣмъ въ ученіи о человѣческой природѣ онъ былъ дуалистъ: онъ все-таки думалъ, что наша душа есть особая монада среди другихъ монадъ, составляющихъ тѣло. Германъ Лотце также являлся монистомъ въ метафизикѣ, но это не мѣшало ему въ воззрѣніи на человѣка настойчиво защищать дуализмъ. Аналогичное замѣченіе можно сдѣлать и о психологическихъ воззрѣніяхъ Гербарта.

Могутъ однако возразить: если сейчасъ указанный принципъ соотносительности явлений и субстанцій правиленъ, то изъ него должна вытекать абсолютная противоположность души и тѣла въ человѣкѣ: психическая и физическая явленія различны между собою самыми коренными и существенными образомъ; следовательно, и реализующіяся въ нихъ субстанции, если они дѣйствительно отъ своихъ явлений неотдѣлимы, должны существенно между собою различаться. Предполагать между ними внутреннюю односторонность нѣтъ никакихъ основаній.

Это возраженіе было бы вполнѣ справедливымъ и неустранимымъ, если бы только мы одинаково хорошо знали психическую и физическую явленія въ ихъ настоящей дѣйствительности. Но вѣдь именно этого-то нѣтъ. Только психическую сторону нашего бытія мы знаемъ въ ея подлинной, неискаженной реальности: свои мысли мы знаемъ именно такъ, какъ онѣ нами мыслятся, свои ощущенія, какъ они ощущаются, свои желанія, какъ они желаются и т. д. Но всю физическую природу, съ включеніемъ нашего собственного тѣлеснаго организма, мы познаемъ только черезъ условную символику нашихъ объективныхъ ощущеній и восприятій. Наши представленія о протяженности, движеніи, инерціи, непроницаемости оказываются очень

сложными психическими образованіями, и въ нихъ не содержится никакихъ непосредственно очевидныхъ свидѣтельствъ о томъ, что они вѣрно и точно изображаютъ материальную дѣйствительность, какъ она есть въ себѣ. Напротивъ, вся исторія человѣческой мысли наглядно показываетъ, какъ рисковано безъ дальнѣйшихъ колебаній извлекать эти душевныя созданія изъ нашего субъективнаго міра и превращать ихъ въ свойства и опредѣленія вещей въ себѣ. Физики хорошо знаютъ, до какой степени условны и относительны ихъ понятія о веществѣ. Психологу забывать объ этомъ еще менѣе извинительно, чѣмъ физику.

Надо разъ навсегда убѣдиться, и съ точки зрења метафизической, и съ точки зрења эмпирической одинаково, понятіе о веществѣ, пригодное и цѣлесообразное въ физикѣ и химії, для психологіи оказывается недостаточнымъ и требуетъ преобразованій. Въ наукахъ о внѣшней природѣ понятіе о веществѣ все болѣе сводится къ чисто количественнымъ отношеніямъ и формуламъ. Даже такія материальныя качества, безъ которыхъ, казалось бы, ничего материальнаго нельзя мыслить, каковы инерція, непроницаемость, масса, подвижность, въ послѣднее время часто рассматриваются какъ своего рода математические символы, реальное значеніе которыхъ проблематично, да и не важно для науки. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что натуралисты въ этомъ своемъ стремленіи свести факты и законы природы къ количественнымъ отношеніямъ совершенно правы. Но если отъ качествъ можно отвлечься, это не значитъ, что ихъ можно въ самомъ дѣлѣ устранить изъ нашего опыта. Если безъ нихъ можно обойтись въ научномъ пониманіи внѣшняго міра, то тѣмъ настойчивѣе о нихъ ставится вопросъ, когда мы начинаемъ изучать нашъ внутренній міръ. Пускай всѣ качественные различія вещей—только психологическая иллюзія, тѣмъ серьезнѣе вопросъ, откуда взялась эта иллюзія? Психологія, по самому существу своей задачи, изучаетъ качественное разнообразіе внутреннихъ явлений,

какъ нѣчто изначала данное и безспорно наличное. И вотъ, является неизбѣжное соображеніе: если психические факты должны какъ-нибудь объясняться изъ процессовъ материальныхъ (а что между тѣми и другими есть реальная связь и зависимость,—въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе), то и въ материальныхъ процессахъ должно предположить внутреннюю качественную сторону, а уже не отвлекаться отъ нея, какъ это дѣлаютъ физики. Будь психологъ дуалистомъ или монистомъ, для него одинаково должно быть яснымъ, что отъ процессовъ вещества, въ физическомъ смыслѣ этого понятія, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого перехода къ психической жизни въ ея субъективныхъ опредѣленіяхъ. Механическое движеніе не есть ощущеніе и не можетъ превратиться въ ощущеніе; изъ физическихъ процессовъ, по законамъ физики, можетъ получиться лишь физический результатъ такъ же, какъ изъ химическихъ химическій; между тѣмъ психические факты въ ихъ субъективной природѣ не обладаютъ ни физическими, ни химическими свойствами,—все это очевидныя истины. Но, съ другой стороны, мало поможетъ намъ и понятіе о душѣ, какъ независимомъ отъ тѣла началѣ, если мы захотимъ сохранить чисто механическое представление о составляющемъ тѣло веществѣ. Какъ понять, что душа воспринимаетъ движенія инертныхъ тѣлъ (въ нашей мозговой и нервной системѣ) не какъ движения, а въ специфической формѣ ощущеній, чувствованій, хстѣній, при всемъ ихъ поразительномъ несходствѣ съ какими бы то ни было движеніями? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ происходитъ переводъ внѣшнихъ процессовъ на какой-то внутренній субъективный языкъ. Но кѣмъ же и гдѣ производится этотъ переводъ? Вѣдь сами мы его не совершаляемъ: мы даже и не наблюдаемъ никогда, какъ онъ дѣлается: наша сознательная жизнь начинается лишь тогда, когда онъ уже *сдѣланъ*.

Дѣйствительно, тутъ мы имѣемъ фактъ огромной важности: наша сознательная душевная жизнь имѣетъ дѣло уже съ *готовыми психическими продуктами*. Ощущеніе съ своими

особыми качествами (напримѣръ, тотъ или другой опредѣленный цвѣтъ или звукъ) бываетъ дано нашему сознанію, а не создается его усилиями; въ содержаніи нашихъ ощущеній мы *не вольны*. Отъ дѣятельности нашего сознанія въ значительной степени зависитъ, смутно или отчетливо усвоено имъ данное содержаніе; но не отъ него зависитъ, *какое* это содержаніе: противъ этого едва ли можно спорить. Можетъ быть, еще болѣе рѣзко сказывается эта пассивность нашего сознанія къ воспринимательному содержанію въ нашихъ чувствованіяхъ физически пріятнаго и непріятнаго, физическихъ удовольствій и страданій. Напримѣръ, не отъ нашего рѣшенія зависитъ, больно намъ или не больно. Присущій физическимъ чувствованіямъ элементъ страданія задержать одни изъ нихъ (сущность пріятнаго) и удалить другое (основа непріятныхъ ощущеній) для сознанія *принудителенъ*. Голодъ, жажда, половое влечение составляютъ загадочную область *невольной воли*: они являются нашему сознанію въ видѣ *хотѣній*, которыя, однако, не нами вызваны и выбраны, подобно тому, какъ физическая тоска, тошнота, да и всякая боль выражаютъ опять-таки *невольное сопротивление*, борьбу съ возникшимъ состояніемъ, въ которыхъ *что-то* сопротивляется и борется, но это что-то не есть наше я, потому что наше я воспринимаетъ эту борьбу страдательно, какъ нечто извнѣ ему данное, хотя и захватывающее его невольное сочувствие. По этому поводу приходится отмѣтить слѣдующій фактъ: нашъ тѣлесный организмъ для нашего самочувствія является совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ онъ представляется, напримѣръ, физику. Для физика въ немъ ничего неѣть, кромѣ инертныхъ частицъ, движущихся по законамъ механики отъ получаемыхъ ими разнообразныхъ толчковъ, но совершенно безразличныхъ къ направлению пріобрѣтаемыхъ движений. Эти частицы ничего не хотятъ и ничего не ищутъ. Что выдетъ изъ этихъ движений—благо или зло для организма въ его цѣломъ, это для физического атома, въ которомъ ничего неѣть, кромѣ инерціи и непроницаемости, абсолютно безразлично. Для физика

наше тѣло--это вихрь постоянно смѣняющихся атомовъ, то втягиваемыхъ въ общее движение, то выбрасываемыхъ изъ него съ одинаково слѣпою неизбѣжностью. Въ этомъ вихрѣ ничего не сохраняется, кроме его общихъ очертаній. Собственно не то наше тѣло для нашего самочувствія: по самочувствію оно представляеть какъ бы нашъ психической двойникъ. Оно стремится къ однимъ состояніямъ, внутренно сопротивляется другимъ, всячески сохраняеть свою цѣлость, отвѣчаетъ на вѣшнія воздействиа качественно разнообразными реакціями, тонко сообразующими съ значеніемъ этихъ воздействиа для его благоденствія. Наше тѣло непосредственно ощущается нами какъ какое-то внутренно живое, единое существо (или, пожалуй, единая система существъ), отличное, однако, отъ насъ самихъ, какъ центра сознательно и добровольно совершаемыхъ нами дѣйствій. Эта психическая двойственность въ насъ была замѣчена давно: уже съ незапамятныхъ временъ традиціонная психология различала *духъ*, какъ центръ сознаваемыхъ и порождаемыхъ нами психическихъ актовъ, отъ души, какъ силы, оживляющей тѣлесный организмъ. Въ этомъ различеніи сказался выводъ непосредственного опыта: тѣло въ самомъ дѣлѣ воспринимается нами, какъ что-то одаренное своею особою волевою и ощущающею дѣятельностью.

Всѣмъ этимъ ставится проблема о *безсознательной психикѣ* человѣка. Нужно оцѣнить и понять всю серьезность этой проблемы. Очень часто, решая вопросъ о безсознательныхъ душевныхъ процессахъ, ихъ просто отожествляютъ съ физико-механическими процессами мозга и думаютъ, что этимъ что-нибудь достигнуто. Дѣло, однако, явно не въ этомъ и физическая или химическая свойства мозга тутъ, конечно, ничего не объясняютъ. Опять повторю: изъ химическихъ и физическихъ процессовъ могутъ получиться только физическая и химическая измѣненія данного материала и ничего больше. Между тѣмъ вопросъ идетъ о существованіи и постоянномъ возникновеніи *психическихъ* образованій, съ особымъ *субъективнымъ* содержаніемъ, *внѣ и помимо* сознанія. Эти

чисто психические продукты предполагаютъ психические процессы, а какие и гдѣ, этого намъ наше сознаніе не открываетъ. Съ одной стороны, безсознательная психика, въ буквальномъ значеніи этихъ словъ, есть понятіе противорѣчащее себѣ: что значитъ ощущеніе, которое никѣмъ и никакъ не сознается, т.-е., стало быть, не ощущается, чувство, которое не чувствуется, мысль, которая не мыслится и т. д.? Можно ли говорить объ ощущеніи боли, когда ея никто не чувствуетъ или объ ощущеніи краснаго цвѣта, когда *красную* никто не видитъ? Но, съ другой стороны, все-таки остается несомнѣннымъ фактомъ, что *нѣкоторые* наши психические процессы во всемъ своемъ цѣломъ или въ весьма значительныхъ частяхъ и *всѣ* психические процессы въ нѣкоторыхъ своихъ звеньяхъ — *не сознаются нами*. Это можно наблюдать на всѣхъ ступеняхъ душевной жизни. Въ *ощущеніяхъ*, какъ мы видѣли, это относится къ тѣмъ процессамъ, которые обусловливаютъ возникновеніе ихъ особой качественной природы. Въ самомъ дѣлѣ, возникновеніе ощущенія того или другого цвѣта, того или другого звука, запаха или вкуса по ихъ психическимъ качествамъ предполагаетъ какіе-то очень сложные процессы сопоставленія, сравненія, выдѣленія. Мы едва ли что-нибудь ощутили бы, если бы ощущеніе было дано внѣ связи и сравненія съ другими (законъ относительности). Съ другой стороны, чтобы были возможны эти дѣйствія сопоставленія и сравненія, необходимо, чтобы какой-то таинственный процессъ породилъ то особое качество, которое позволяетъ данное ощущеніе отличить отъ другихъ. Но всѣ эти процессы для насъ скрыты, — передъ нами возникаетъ уже готовое ощущеніе въ весьма сложныхъ связяхъ и отношенияхъ съ другими фактами душевной жизни. Безсознательная психическая дѣятельность далѣе еще рѣзче сказывается въ *физическіхъ чувствованіяхъ*. Въ высшей степени загадочно, чѣмъ и откуда вызывается ихъ эмоциональная и волевая окраска, ихъ направленіе къ удержанію или устраненію переживаемыхъ состояній (удовольствія и стра-

данія), ихъ интенсивность. Нашему сознанію они даются уже во всемъ своемъ субъективномъ содержаніи; но они не слагаются въ немъ по его добровольному избранію. Можетъ быть еще очевиднѣе безсознательная душевная работа обнаруживается въ болѣе сложныхъ процессахъ психической жизни: 1) Въ явленіяхъ ~~памяти~~. Представленія о пережитомъ гдѣ-то въ насъ хранятся и постоянно воскресаютъ въ нашемъ сознаніи, то по нашему добровольному выбору, то, невольно, по дѣйствію законовъ ассоціаціи идей. Но какъ и гдѣ они сохраняются, чѣмъ именно оживляются, въ чёмъ состоять ассоціативныя связи между ними, отчего наша воля иногда можетъ вызывать нужное намъ воспоминаніе, иногда совершенно бессильна это сдѣлать, — все это для нашего сознательного самонаблюденія совершенно закрыто. 2) Въ безотчетной дѣятельности воображенія. Несомнѣнно въ ней мы имѣемъ особенно яркую и рельефную область безсознательного творчества въ насъ. Здѣсь явно что-то психически созидается въ насъ, принимая иногда очень интенсивныя формы, и не менѣе явно сознаніе наше остается въ совершенно страдательномъ положеніи. Отъ пассивныхъ мечтаній въ минуту бездумья до поразительно яркихъ сновидѣній курильщика гашиша или галлюцинацій визіонера мы здѣсь имѣемъ огромную скалу проявленій творящей дѣятельности души, помимо направляющаго вліянія воли. А вѣдь что-то ихъ направляетъ, — при грубой фантастичности, они имѣютъ цѣлесообразность и законченность. Люди, которыхъ мы видимъ во снѣ, могутъ высказывать очень глупыя мысли, но все же это будутъ мысли, иногда совсѣмъ неожиданныя для насъ по своему содержанію. Страдающій слуховыми галлюцинаціями можетъ слышать рѣчи, не только удивляющія его своимъ содержаніемъ, но и глубоко возмущающія и т. д. 3) Въ несознаваемыхъ умственныхъ процессахъ. Здѣсь прежде всего приходится имѣть въ виду тотъ общий фактъ, что во всѣхъ умственныхъ дѣйствіяхъ существуютъ безотчетные моменты и стороны, въ которыхъ мы не вольны. Сюда относится, напримѣръ, легкій или затрудненный ходъ мысли

при размышлениі или разговорѣ. Слова то представляются сразу, то ихъ надо напряженно искать: послѣдовательность мыслей то укладывается сама собою, то ея никакъ не установишь. Въ чёмъ, напримѣръ, состоится краснорѣчие ораторовъ? Если бы они сознательно выбирали каждое слово, то изъ ихъ усилий, конечно, не вышло бы ничего; все дѣло въ томъ, что ихъ рѣчь льется сама собой. По этому поводу нельзя не отмѣтить роли внезапныхъ догадокъ въ нашихъ мыслительныхъ операціяхъ, когда весь умственный процессъ, сначала затрудненный, вдругъ сразу освѣщается и получаетъ полную законченность. Еще важнѣе совсѣмъ несознаваемая, автоматическая дѣятельность нашего ума. Формы ея проявленій чрезвычайно разнообразны, и количество ихъ возрастаетъ все болѣе вмѣстѣ съ развитиемъ и усовершенствованіемъ психологическихъ наблюденій. Къ этой области относятся напримѣръ: рѣшеніе задачъ во снѣ, явленія раздвоенія личности, явленія автоматического письма, предчувствія, ясновидѣніе, правдивыя галлюцинаціи. Большинство фактовъ этого рода чрезвычайно загадочны и еще мало установлены, но все же ихъ наблюдали слишкомъ часто, чтобы ихъ можно было совсѣмъ игнорировать психологу.

4) Въ высшихъ явленіяхъ безотчетнаю вдохновенія и озаренія. Давно уже замѣчено, что истинное творчество, какъ въ искусствахъ, такъ даже и въ наукѣ начинается съ безотчетныхъ усмотрѣній. Великія научные открытия нерѣдко возникаютъ безотчетно и невольно въ состояніи моментального озаренія. Такъ, повидимому, былъ открытъ Ньютономъ законъ тяготѣнія. Еще болѣе распространенное явленіе представляетъ безотчетное и невольное происхожденіе первыхъ художественныхъ замысловъ. Напримѣръ, о Тургеневѣ известно, до какой степени возникновеніе первого замысла его произведеній было для него процессомъ не только безотчетнымъ, но и болѣзненнымъ. Онъ писалъ, чтобы избавиться отъ мучительно преслѣдующихъ его неотвязчивыхъ образовъ.

Въ чёмъ же заключаются эти безотчетные процессы? Кто

ихъ настоящій носитель? Это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ психологіи. А между тѣмъ, какъ я сейчасъ говорилъ, область безсознательныхъ явлений души для психологіи съ каждымъ днемъ расширяется все болѣе и требуетъ себѣ объясненія все настойчивѣе. Въ настоящее время пользуется значительной популярностью попытка Дю-Преля объяснить эти явленія изъ единой дѣятельности нашего трансцендентального субъекта. По этому взгляду, наше истинное или высшее я не открывается нашему сознанію. Сферу сознательной душевной жизни составляютъ только тѣ психическія явленія, которыя возникли на почвѣ процессовъ нашего мозга и неразрывно съ ними связаны. Поэтому наше сознательное я есть только призрачное явленіе, оно только эфемерный продуктъ мозга. Напротивъ, наше высшее я, которое и есть наша настоящая душа, отъ мозга не зависитъ; оно скорѣе является по отношенію къ нему творческимъ и образующимъ принципомъ. Оно обладаетъ таинственными способностями ясновидѣнія, тонкой воспріимчивости къ недоступнымъ для нормального чувственного восприятія впечатлѣніямъ, даромъ прозрѣнія. Изъ него-то и получаетъ наша сознательная сфера безсознательныя психическія образованія.

Легко замѣтить, въ чёмъ заключается психологическая несообразность этой довольно фантастической гипотезы. Вѣдь продукты безсознательного творчества въ насъ отличаются далеко не равною цѣною, — они очень разнятся по своему качеству. Безсознательная психика вызываетъ беспокойные думы страдающаго лихорадкой или галлюцинаціей помѣщанного, и въ ней же коренится высшее наитіе, посѣщающее геніальныхъ художниковъ и ученыхъ. Изъ нея могутъ получаться результаты самыхъ сложныхъ умственныхъ операций, и она же порождаетъ элементарные ощущенія въ ихъ особомъ чувственномъ содержаніи. Она внушаетъ намъ высшія движения нашего духа, — и изъ нея же всплываютъ физическія ощущенія боли, тошноты или головной похори. Можно ли всѣ эти явленія валить въ одну кучу, приписы-

вать ихъ одной причинѣ, видѣть для нихъ только одинъ источникъ, да еще одаренный такими возвышенными способностями и качествами, какія предполагаются въ нашемъ верховномъ я? Не представляется ли гораздо болѣе вѣроятнымъ, что въ нашемъ душевномъ существованіи мы со-прикасаемся не съ однимъ какимъ-нибудь центромъ безсознательной (т.-е. *несознаваемой для насъ*) психической дѣятельности, а съ многими? Повидимому, въ образованіи цѣлаго нашей душевной жизни, кромѣ нашего единаго сознающаго центра, (который служитъ предметомъ нашего непосредственнаго самочувствія и который мы называемъ своимъ я) участвуютъ и другие центры, интимно съ нимъ связанные, какъ-то отражающіеся въ немъ своими внутренними состояніями и непрерывно пополняющіе то, что въ немъ въ каждый данный моментъ содержится, своими продуктами весьма неравнаго достоинства. Тогда мы опять придемъ къ тому, съ чего начали,—къ монадологическому пониманію человѣческой природы. Придется сказать такъ: если не во всѣхъ материальныхъ вещахъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ организмѣ дана связная множественность психическихъ центровъ (монадъ). Въ этомъ смыслѣ нужно признать справедливымъ, что психическая жизнь развивается на колективной основѣ. Но что же такое эти центры или монады? Назвать ли ихъ думами отдельныхъ мозговыхъ клѣтокъ или даже цѣлыхъ участковъ мозговой коры? Или онѣ относятся къ нашему тѣлесному составу какъ-нибудь иначе? Не будемъ пускаться въ область рискованныхъ гипотезъ. Остановимся лишь на томъ, что представляется дѣйствительно вѣроятнымъ: у физическихъ процессовъ мозга и нервной системы существуетъ какая-то очень сложная и при этомъ повидимому коллективная, распадающаяся на многіе центры, *психическая изнанка*, и наше сознающее я, которое есть наша душа или нашъ духовный субъектъ, въ тѣсномъ значеніи слова, находится съ этой изнанкой въ постоянномъ соотношениі и взаимодѣйствіи.

Только одно, кажется, можно утверждать съ увѣренностью:

Вопросы философіи, кн. 54.

эту коллективную основу нашей душевной жизни нельзя отожествлять просто съ суммою сознаній атомовъ, составляющихъ нашъ мозгъ, какъ это думалъ, напримѣръ, Гекель; эта гипотеза оказывается явно непригодною, въ своемъ чистомъ видѣ, хотя бы въ виду раньше высказанного соображенія о томъ, что изъ многихъ сознаній субстанціально раздѣленныхъ атомовъ никакъ не можетъ получиться единаго человѣческаго сознанія, и никакой равнодѣйствующей этихъ многихъ сознаній въ этомъ смыслѣ построить невозможно. Но если мы даже исправимъ ее въ этомъ пунктѣ и допустимъ, что многія атомныя сознанія непосредственно отражаются и связываются въ нашемъ сознающемъ я, какъ въ высшемъ центрѣ психической жизни, рассматриваемая гипотеза едва ли отъ этого выиграетъ.

Психика атомовъ для насъ *абсолютно закрыта*; мы можемъ дѣлать о ней разныя предположенія,—всегда поневолѣ неясныя,—но мы никогда ея не воспринимаемъ. И все, что мы можемъ здѣсь предположить, заставляетъ думать о радикальномъ, недопускающемъ никакихъ сравненій, различіи психики атомной и психики человѣческой. Вѣдь въ атомахъ можно допустить лишь на столько психики, чтобы она не противорѣчила ихъ основнымъ свойствамъ—инертности и совершенному равнодушію къ формамъ сложныхъ твореній, въ которыхъ они попадаютъ. Они движутся съ математическою неизбѣжностью туда, куда ихъ толкаетъ внѣшняя сила, что бы изъ этого ни получилось для высшихъ формъ природы. Между тѣмъ наша чувствующая способность, какъ мы уже видѣли, далеко не отличается такимъ безразличіемъ къ тому, что съ нами дѣлается. Итакъ, если даже атомы и обладаютъ психикой, въ нашихъ ощущеніяхъ мы воспринимаемъ не ее. Между нашимъ сознаніемъ и ею лежатъ какія-то посредствующія звенья, и если она въ чемъ-нибудь отражается, то развѣ въ нихъ, а никакъ не въ нашемъ сознающемъ духѣ. Въ нашемъ сознаніи, повидимому отраженно, воспроизводится только внутренняя жизнь этихъ посредствующихъ центровъ,—быть можетъ,

даже только самыхъ высшихъ между ними, потому что даже самая элементарная состоянія нашей сознательной души уже обладаютъ высокой сложностью. Лейбницъ, создатель монадологической теоріи, училъ, что каждый организмъ имѣетъ центральную монаду, которая есть его душа, но что при этомъ и каждая часть организма обладаетъ въ свою очередь центральною монадою, которая одушевляетъ ее. Въ примѣненіи къ мозгу и нервной системѣ это значило бы, что каждый нервный центръ обладаетъ какъ бы элементарною душою,—и что, можетъ быть, цѣлые участки головного мозга имѣютъ свои особые внутренніе психические центры. (Эта гипотеза въ общемъ не такъ фантастична, какъ кажется,—наука все болѣе убѣждается въ коллективномъ характерѣ жизни организмовъ.) Должны ли мы, при объясненіи явлений безсознательной психики, признать такую множественность душъ въ человѣческомъ организмѣ, или достаточно предположить лишь одинъ неотличный отъ насъ центръ несознаваемой душевной дѣятельности въ насъ,—такъ сказать, одну душу, болѣе интимно связанную съ тѣломъ, нежели нашъ сознательный духъ, который получаетъ въ своеемъ самочувствіи только довольно суммарныя и разрозненные показанія о тѣлесныхъ состояніяхъ? Или обѣ гипотезы можно соединить вмѣстѣ и, въ виду однородности и гармоничности порожденій безсознательной психики, признать рядомъ съ множественностью ея частныхъ центровъ внутренно связующій ихъ одинъ общий центръ, однако отъ нашего я отличный? Все это очень темные вопросы. Одно достовѣрно: въ нашемъ безотчетномъ сознаніи раздвоенія нашего существа на духъ и тѣло непосредственнымъ объектомъ при воспріятіи этого послѣдняго служитъ не потокъ атомовъ, непрерывно входящихъ въ нашъ тѣлесный составъ и выходящихъ изъ него,—все равно съ ихъ внутренней или внѣшней стороны,—а что-то болѣе близкое къ намъ по своему психическому содержанію и болѣе постоянное по своему присутствію въ нашемъ организмѣ.

А это значитъ, что спиритуализмъ для того, чтобы удовлетворить требованіямъ опыта, долженъ измѣнить свой обычный обликъ. Новая философія выработала два главныхъ типа спиритуалистическихъ воззрѣній на человѣческую природу: 1) типъ картезіанскій, признающій душу и тѣло за начала субстанціально противоположныя одно другому, непостижимымъ образомъ другъ съ другомъ связанныя, видящій въ душѣ абсолютно единую, простую сущность, вся жизнь которой исчерпывается ея сознательными процессами и состояніями, и обращающій нашъ тѣлесный организмъ въ чисто виѣшій агрегатъ протяженныхъ частей, въ которомъ ничего не совершается, кромѣ механическихъ движеній въ пространствѣ; и 2) типъ лейбниціанскій или монадологической, принципіально отрицающій существенную противоположность между духовнымъ и материальнымъ бытиемъ и полагающій, что нашъ сознательный духъ есть, хотя и высшій, но не единственный центръ психической жизни въ насъ. Картезіанская гипотеза съ различными смягченіями и видоизмѣненіями до нашихъ дней господствуетъ среди психологовъ спиритуалистического склада; но въ этомъ-то и заключается источникъ безсилія спиритуализма въ современной психологіи; не говоря еще о коренной невозможности для этой гипотезы ясно обосновать связь души съ тѣломъ,—въ ней, по самому ея существу, не оказывается мѣста для такихъ психическихъ процессовъ, которые хотя и не сознаются нами, но все же гдѣ-то и какъ-то сознаются и суть процессы психические, а не какие-нибудь другіе. Съ другой стороны, эта гипотеза, при усвоенномъ ею взглядѣ на нашъ тѣлесный организмъ, не въ состояніи объяснить, почему даже при самыхъ первыхъ проблескахъ нашего сознанія она уже имѣеть дѣло съ готовыми психическими продуктами (элементарными ощущеніями, чувствованіями и т. д.). Въ этомъ отношеніи гипотеза монадологическая имѣеть несомнѣнныя и огромныя преимущества, если только устраниТЬ изъ нея въ высшей степени произвольное метафизическое предпо-

ложение Лейбница о совершенной непроницаемости и замкнутости монадъ другъ для друга и замѣнить его гораздо болѣе естественнымъ признанiemъ ихъ реального взаимодѣйствiя и возможности взаимныхъ отраженiй ихъ внутренняго содержанiя. Съ этой точки зрењia вполнѣ совмѣщаются субстанциальное единство нашего сознанiя съ внутренней сложностью основы нашей психической жизни въ ея цѣломъ. При этой гипотезѣ далѣе становятся понятными безчисленныя воздействиа безсознательной психики на сознательный ходъ нашихъ душевныхъ явленiй, понятна при ней и глубокая зависимость душевныхъ процессовъ отъ физиологическихъ отправлений нашего мозга, — вѣдь тогда у каждого такого отправления придется предположить свою особую психическую изнанку болѣе или менѣе сложнаго типа. Наконецъ, при той гипотезѣ общiй вопросъ о связи и взаимодѣйствiи души и тѣла теряетъ значительную долю своей загадочности: монады по своей внутренней сущности однородны; проблема о взаимодѣйствiи духовныхъ и тѣлесныхъ монадъ сводится, съ этой точки зрењia, къ общей проблемѣ о взаимодѣйствiи между собою какихъ бы то ни было вещей вообще. Это во всякомъ случаѣ большое упрощенiе задачи. Такимъ образомъ всѣ основанiя заставляютъ думать, что спиритуалистическое воззрѣнiе на человѣка можетъ быть послѣдовательно пропроведено въ психологiи только въ этой формѣ.

Л. Лопатинъ.